

Portrait Souvenir

Photographie de Mr Répin

à VIATKA

из окрестностей

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕДВЕДЕЙ⁹

(Проектная идея)

Медведь является одним из самых популярных персонажей удмуртских сказок.. А одним из самых ранних источников аутентичного фольклора являются материалы Австро-Венгерского исследователя Берната Мункачи, который зафиксировал тексты нескольких сотен сказок. Тексты эти были записаны им немецкими буквами (См. приложение) в результате опроса военнопленных удмуртов, которые содержались в Австро-Венгерском концлагере в годы первой мировой войны [1]. Из 518 приводимых исследователем текстов медведь фигурирует в десяти (№34-40,77,78,112). Современные удмуртские этнологи придерживаются того постулата, что нынешнее состояние этого народа несёт черты самобытной социальной стратификации; в частности, историческая память сохраняет следы тотемизма, как родовой организации, причём родовой организации, построенной на системе счёта родства по материнской линии. Считается, что в соответствии с этнокультурной традицией одним из тотемных животных у удмуртов был медведь. Основанием для такого утверждения [2, с.131,138-139] служат упомянутые образцы устного народного творчества, записанные Б.Мункачи.

Приведём наиболее насыщенный этнографическими деталями текст №34, на который ссылаются современные учёные:

Охота на медведя в старину

1. Раньше лес очень большой был, и медведей было очень много. Если вечер застигал <людей> за работой, то из-за медведей работать дальше было нельзя: медведь, увязавшись за людьми, до самой деревни их провожал.
2. “Медведем” его не называли, а звали “дедушкой”. Слово “медведь” <ему> не нравилось – если будешь говорить “медведь”, то непременно он тебе где-нибудь да навредит: или скоту, или самому тебе, что-нибудь нехорошее сделает. Если испугаешь медведя, или убьёшь одного из них, другие медведи узнают; если кто-то досадил медведям, того человека медведь непременно сыщёт.
3. Когда убивали медведя, голову его хоронили на том же месте; если брали его в берлоге, голову хоронили в берлоге. Если добывали медведя по своей воле в поле ходящего, то его голову хоронили на том же месте, прикрыв хвойными ветками. Когда добудут медведя, то, чтоб другие <медведи> ничего <плохого> не сотворили, его успокаивали такими словами: “Дедушка, не гневайся! Парни по ошибке <тебя> загубили, застрелили. Парни тебя не искали, а из-за собак, не разобравшись, оплошали”.

⁹ Благодарю моего друга Дениса Сахарных за неоценимую помощь в подготовке этой главы.

4. Когда с медведем возвращались, подойдя к деревне, стреляли из ружей, чтобы дать знать деревенским. Возвратившись в деревню, из избы в избу ходили, угощались выпивкой. С медвежьей шкурой <переходя из дома в дом>, охотники в честь удачной охоты на медведя устраивали большой праздник [1, с.92; Перевод с удмуртского Д.М.Сахарных].

Приведённый текст, равно, как и остальные тексты опубликованные Б.Мункачи, как явствует из их содержания, не содержат свидетельств того, что удмурты почитали медведя в качестве своего предка, то есть они не считали его тотемным животным. Вообще, абсолютизацию свидетельств единственного источника мы считаем в корне неверным приёмом. Поэтому, приведём ещё несколько этнографических источников, рассмотрение которых позволяет прийти к выводу, что в культуре удмуртов нового времени нет прямых материальных или ментальных свидетельств того или иного медвежьего культа. Обратившись к публикациям текстов XIX века увидим, что этот зверь выступает в качестве образа, с которым сравнивают неловкого плясуна; “Молодой медвежонок будет плясать и скакать”[3, с.103]. Он является объектом загадок: “Медведь и волк друг на друга смотрят <печка и окно>”[3, с. 97], “На избе пляшет медведь <дым над крышей>” [3, с. 117], “На хорошего мерина не отважишься сесть” [3, с. 118]. Он же является персонажем сказок, в которых терпит поражение от домашнего кота [3, с. 123]. Н.Г.Первухин опубликовал удмуртские сказки, в которых медведь упоминается 17 раз (столько же раз в них фигурируют волк, заяц, кошка, лиса и козёл вместе взятые). Знакомство с сюжетами сказок показывает, что у рассказчика никакого уважения к медведю нет. Медведь присутствует в рассказе скорее как простодушный недотёпа и мелкий пакостник, нежели покровитель или опасный враг- в одной из сказок он, правда, изнасиловал бабу, которая упала к нему в берлогу, но есть её не стал. Он пьёт кумышку (удмуртский национальный самогон), позволяет мужику себя связать или даже оседлать. В нескольких сказках он падает с дерева, расшибаясь насмерть, а удмурт сдирает с него шкуру и обогащается на её продаже [4, с.19-83]. И.Васильев приводит рассказ о том, как некая удмуртская женщина подтирала себе зад блинами, и за это бог превратил её в медведя [5, с.11].

Г. Е.Верещагин в “предании о медвежьем культе” сообщает, что “ Если вор похищал у кого деньги, потерпевший приносил в свой дом медвежью голову, которая на этот случай имелась в деревне всегда и хранилась у кого-нибудь из домохозяев.” Считалось, что медвежья голова и выставленное угощение могут приманить из леса живого медведя, который найдёт вора и распорет ему живот [6, с.24]. Он же приводит миф о том, что “Когда на земле ещё не было человека, Инмар спустил сверху двух человек. Один из них не стал слушаться Инмара, и Инмар сделал его медведем (медведей тогда ещё не было). Человек с медведем жили сначала дружно, называя друг друга братьями...”[6, с. 29].

Видимо с расчётом на суеверный страх удмуртов перед brutальным чудищем, следственные органы пытались применять к ним так называемую “медвежью присягу” в качестве меры психологического давления во время широко известного Мултанского дела в 1892 году, но так и не добились от подсудимых самооговора [7, с.13]. Исследователи начала XX века сообщают, что среди удмуртов бытовало мужское имя Гондыр (Медведь), а имянаречение было возможно по названию воршуда (родового имени) отца или матери ребёнка, однако, не упоминают о существовании рода с таким названием [8, с.68]. По данным К.Герда этот зверь упоминался в защитительном проклятии: беременная удмуртка отвечает любопытствующим о её будущем ребёнке: “В рот тебе кошачьи яйца, в глаза тебе горячие угли, да пусть тебя медведь изнасилует...”[8, с.27]. Характерны удмуртские пословицы того периода: “Волк с медведем не уживутся”[9, с.52] и “Татарин-волк, русский-медведь, а вотяк-рябчик” [9, с. 59]. Т.К.Борисов приводит следующий перевод текста удмуртской свадебной песни “Из двух лошадей одну мне продайте, Мы не медведи: не съедим. Будьте ближе к нам ”[10, с.4]. А современные исследователи говорят о существовании патронимии Гондыр среди жителей дер. Сюрногурт Дебёсского района Удмуртии [11].

Конечно, многие названия удмуртских воршудов (родов?) сопоставимы с названиями животных. Но был ли медведь тотемом или фетишем (предков) удмуртов? Обращение к перечню воршудов (родовых имён) не проясняет вопроса- у удмуртов нет воршудов по названию волка, медведя, лося, бобра, лошади или коровы. В то время, как, например, для американских индейцев медведь и волк едва ли не самые частые наименования родов [12].

Если мы обратимся к более широким этнографическим аналогиям, то увидим, что, к примеру, в славянской мифологии медведь никогда не выступает в качестве предка человека. Наоборот- человек может быть превращён в медведя в наказание за совершённые проступки [13, с.211-215].

Таким образом, “медвежья тема” давно привлекает исследователей, но более или менее продуктивная научная дискуссия здесь вряд ли возможна по той причине, что исследователи абсолютизируют собственную интерпретацию текстов Б.Мункачи и не хотят видеть иных свидетельств [14,15,16]. Конечно, каждый имеет право на собственную точку зрения. Однако, адепты тезиса о “медвежьем тотемизме” имеют доступ к ресурсам, что и позволяет им выпускать многотысячными тиражами книги соответствующего содержания. Если говорить о текстах Мункачи, то они были опубликованы много лет назад за рубежом в академических изданиях, и массовому читателю никогда известны не были, что и создавало возможности для ссылок на них в целях монопольной интерпретации. Поэтому, общественное мнение дезориентировано относительно истинных обстоятельств.

Но, слава Богу, бастионы идейной монополии мало-помалу разрушаются с появлением новых каналов информации (прежде всего, сети Интернет), а новые экономические условия позволяют публиковать (хоть и малыми тиражами) неортодоксальные концепции.

Сказанное выше привело нас к идее публикации в учебных целях фрагментов текстов аутентичного фольклора из собрания Б.Мункачи. В качестве первого шага целесообразным представляется издание сказок “медвежьего цикла”, на которые есть наиболее выраженный социальный заказ как со сто-

роны исследователей фольклора, так и со стороны читателя. Нам могут возразить, что многие сюжеты из собрания Мункачи были опубликованы. Верно, они были опубликованы удмуртскими литераторами на русском языке [17,18], однако, изданные тексты зачастую представляют из себя компиляцию или пересказ нескольких сюжетов, они изданы без указаний на конкретные источники заимствования [18,19], и по мнению многих из опрошенных нами читателей-носителей русского языка сказки эти сильно пострадали от литературной обработки. Приходится слышать о них даже столь категоричные суждения учителей-словесников, что изданные тесты написаны русскими словами, но не на русском языке, что и затрудняет их использование в школе. С другой стороны переводчики упускают колоритные реалии удмуртского быта, и русский читатель не может о них узнать. (Например, зафиксированное Б.Мункачи удмуртское выражение "...коркась корка пыраса юмшаса ветлозы вылэм" Т.Г.Перевозчикова переводит как "Вся деревня праздновала" [19, с.78-79]. Однако, ясно, что деревня не просто праздновала, а отмечала событие особым образом; люди соблюдали сохранившийся до наших дней обычай праздничного хождения из дома в дом- "коркась корка".) Поэтому, оправданным представляется издание параллельных текстов: аутентичного фольклора, записанного Мункачи, и русского (близкого к подстрочному) перевода без какой-либо литературной обработки.

В основе социальной составляющей проектной идеи лежит мысль о возвращении удмуртского фольклора в ту среду, в которой он был зафиксирован в начале прошлого века. А именно: места проживания информаторов Мункачи известны вплоть до конкретных деревень. Поэтому, в целях восстановления традиции домашнего сказительства в удмуртских семьях и ознакомления русских детей с удмуртскими сказками предлагается осуществить первую (школьную) фазу проекта в начальных- средних классах школ тех сельских населённых пунктов, откуда были призваны военнопленные-удмурты. Такая адресность обусловлена и неопределённостью бюджета проекта. Для усиления эмоционального воздействия на юного читателя и активизации его

творческого потенциала предлагается снабдить тексты подробной пошаговой инструкцией по рисованию основных персонажей- медведя, собаки и охотника в нескольких типичных позах в соответствии с общепринятой методикой обучения рисованию. Приобретение навыка рисования персонажей позволит читателям комбинировать изображения и самостоятельно создавать иллюстрации к сказкам. Обучение рисованию персонажей предполагается вне художественной школы; на уроках рисования или удмуртского языка общеобразовательной школы, а затем и дома.

Тексты на удмуртском языке будут представлены в современной графике, но без адаптации содержания. Несколько сюжетно законченных фрагментов сказок будут даны без русского перевода. Предполагается, что такая форма будет способствовать межпоколенной коммуникации: непонятное слово или грамматическую форму ребёнок вынужден будет спросить у учителя или у родителей. Краткое предисловие на двух языках расскажет читателям об истории создания труда Б.Мункачи. Здесь же будут даны фрагменты текста в латинской транскрипции, применяемой автором и его перевод на немецкий язык. В результате у читателя должно сложиться мнение, что фольклор удмуртов издавна привлекает внимание учёных всего мира, он испытает чувство гордости за родную культуру.

Подготовительный этап проекта будет включать обсуждение декларируемых выше задач с сельскими учителями во время одного из периодических совещаний в Институте Усовершенствования Учителей. Это позволит скорректировать и конкретизировать намеченные действия. Школьную фазу проекта предполагается завершить конкурсом детского рисунка. Научная фаза проекта будет заключаться в итоговой дискуссии его участников- авторов, учителей, победителей конкурса, руководства школ и т.д. Осмысленные результаты школьной фазы предполагается доложить на научных конференциях и ознакомить с ними учительскую общественность через публикации в местных СМИ и в Интернете. Полученные отзывы позволят объективно оце-

нить наличие социального заказа на осуществление аналогичных проектов с расширением их тематики и географии.

Для осуществления проекта имеются ключевые ресурсы: тексты публикаций Б.Мункачи и их переводы, идейный ресурс авторов проекта, позволяющий видеть цель и намечать план действий по её достижению. Недостающим ресурсом являются денежные средства, объём которых зависит от широты круга участников проекта, тиража издания, качества полиграфического исполнения и других факторов.

Библиография

1. *Munkacsi B.* Volksbrauche und Volksdichtung der Wotjaken.-Helsinki, 1952.- 715 p.
2. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов.- Ижевск, 1994.-384 с.
3. *Гаврилов Б.Г.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний.-Казань, 1880.-190 с.
4. *Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. – Эскиз III: Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков. – Вятка, 1889, IV. –85 с.
5. *Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань, 1906.-88с.
6. *Верещагин Г.Е.* *Образцы произведений устной словесности вотяков.* Т4.,кн.2.-Ижевск, 2001-С. 12-56
7. *Луппов П.Н.* Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков) по обвинению в человеческом жертвоприношении.-Ижевск,1925.-40с.
8. *Герд К.П.* Человек и его рождение у восточных финнов.- Helsinki: Societe Finno-Ourienne, 1993.-97 с.
9. *Герд К.П.* Пословицы и поговорки вотяков.// Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков.-М.,1926.- 84с.
- 10.*Борисов Т.К.* Песни южных вотяков. –Ижевск,1929.- 121с.
- 11.*Белова Е.Б.* Национально-региональный компонент культуры в контексте культуры народов России . //Режим доступа:
[http://len.mifors.com/res_ru/0-hfile_195_1.doc]
- 12.*Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации.-Л.,1934.-350с.
- 13.*Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* Т.3-М.,2004.-704 с.
- 14.*Коробейников А.В., Липина Л.И.* Миф о медвежьем тотемизме у удмуртов и данные археологии.// Интернет-конференция “Мифологические исследования”. Новосибирск, 2004. Режим доступа:

[http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=4314]

15. Коробейников А.В. К вопросу об исторической памяти о тотемной организации удмуртов. // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Международной научной конференции. - Санкт-Петербург, 16-17 мая 2005г. - СПб, 2005. ч.1. - С.18-21
16. Коробейников А.В. Истоки и воплощение образа медведя в культуре удмуртов (К постановке проблем изучения). // Региональная научно-практическая конференция “Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия.” Материалы конференции. –Екатеринбург, 2005.-С. 62-76
17. Сто сказок удмуртского народа: Составитель Н.Кралина. -Ижевск, 1961.- 311с.
18. Мифы, легенды и сказки удмуртского народа: Литературная обработка Н.Кралиной. -Ижевск, 1998.-208 с.
19. Мелодия небесной росы=Инву утчан гур/Составление и перевод прозы Т.Г.Перевозчиковой. –Ижевск, 1988.-120 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1: некоторые удмуртские сказки из собрания Б.Мункачи¹⁰
33.

Вашкалаёслэн гондыр кутэмзы	Охота на медведя в старину
1. Вадълан нюлэс туж бадзын но гондыр туж тырос былэм. Жытэ ке кылё ужакызы, гондырен ужамзы уг лу нй былэм: жыт уж дурись бертыкызы гондыр келляса съоразы гурт доры ик вуоз былэм. 2. Гондырез “гондыр” уг шуо былэм – “пересь атай” шуозы былэм. “Гондыр” шуэмез уг яраты – “гондыр” шуэмись мардэ ке но изъянтоз былэм: пудозэс-о я асьсэзыз-о, мар ке кароз былэм. Гондырез курдатйд ке, либо огзэ виид ке, мукетъёсыз гондыръёс тодозы былэм; кин мар кариз, со муртэ гондыр одно шеттоз былэм. 3. Гондырез кутйзы ке, йырзэ кутэм иньтйязы ик ватозы былэм; гуисьтыз ке кутйзы,	1. Раньше лес очень большой был, и медведей было очень много. Если вечер застигал <людей> за работой, то из-за медведей работать дальше было нельзя: медведь, увязавшись за ними, до самой деревни их провожал. 2. “Медведем” медведя не называли, называли “дедушкой”. Слово “медведь” <ему> не нравилось – если будешь говорить “медведь”, то непременно где-нибудь да навредит: или скоту, или самому, что-нибудь да натворит. Если испугаешь медведя, или убьёшь одного из них, другие медведи узнают; если кто чего сделал <плохого медведям>, того человека медведь непременно съест. 3. Когда добудут медведя, голову его хоронили на том же месте; если брали его в берлоге, голову хоронили в берлоге. Если добывали шатуна, то его голову хоронили на том же месте,

й К

¹⁰ [1] Запись удмуртского текста кириллической графикой и перевод Д.М.Сахарных

йырзэ гуаз ватйзы. Кырысь ас эрказ ветлйсьсэ кутйзы ке, йырзэ кутэм иньтйязы ик лысэн чоктаса ватозы былэм. Кутэм беразы гондырез тазы лйято былэм, мукетъёсыз номыр медаз каре, пуса: “Пересь атай, вождэ эн потты! Пиняллёс янгышен арам кариллям, ыбны шедтйллям. Пиняллёс тонэ утчаса уг ветло вал; пунйёсын йыринь валатэк янгыше кылиллям,” – шуозы былэм. 4. Гондыр кутса бертыкызы, гурт пала вуэм беразы пычал ыбылыса бертозы былэм, гурт калыкъёс мед тодозы пуса. Гуртэ бертэм беразы, коркась корка пыраса, юса ветлозы былэм. Гондыр куэнызы гондыр кутйсьёс туж бадзын юондыр лэсьтозы былэм гондыр кутэм понназы.	прикрыв хвойными ветками. Когда добудут медведя, то, чтоб другие <медведи> ничего <плохого> не сотворили, его успокаивали такими словами: “Дедушка, не гневайся! Парни по ошибке <тебя> загубили, застрелили. Парни тебя не искали, из-за собак, не разобравшись, оплошали”. 4. Когда с медведем возвращались, подойдя к деревне, стреляли из ружей, чтобы дать знать деревенским. Возвратившись в деревню, из избы в избу ходили, угощались выпивкой. С медвежьей шкурой <переходя из дома в дом>, охотники в честь удачной охоты на медведя устраивали большой праздник.
---	--

34.

Нильдонэтй гондырлэн кутэмез	Сороковой медведь
1. Оди́г пересь адыми гондыр кутылыса ветлэ былэм. Та гондыр кутыны мыныкыз потэм, капка аяз ведыра-карнанэн кышномуртэн пумиськем. Со мурт берен корказ берыктйськыса пырем: нюлэсканы мынйсь мурт тырымтэ ведраен пумиськиз ке, сюресэз уз удалты. 2. Сэбере нош потэм но нош ик пумиськем со кышномуртэн. Сэбере куньметйяз потэм инй та, со нош ик пумиськиз со кышномуртэн. Табере нюлэскась мурт кышномуртэз кесяськыны кутскем: “Инй та кытын дасяськыса улйськод тон?” – пуса Кышномурт шуоз: “тон	1. Один старик занимался охотой на медведей. Собрался этот <старик охотиться> на медведя, вышел, и у ворот встрети́лась ему женщина с ве́драми и коромыслом. Этот человек воротился и вновь зашёл в избу: если кто пойдёт на охоту, и встретится ему <женщина> с пустым ведром, удачи не будет. 2. Потом вновь вышел и вновь встретился с той женщиной. Потом в третий раз вышел этот <старик>, и вновь он встретился с той женщиной. Тут охотник начал кричать на неё: “Ты что, где-то нарочно поджидаешь, <чтобы столкнуться со мной>?”. Женщина и говорит: “Ты идёшь за сороковым медведем. Возьми поро́ху, чтобы хватило на сорок выстрелов, и

– шуса. Кышномурт шуоз: “тон нильдонэтй гондырдэ кутыны мынйськод. Нильдон пол ыбымон дары ну, нильдон пол ыбымон пуля [ну]! Тон нильдонэтйзэ гондырѣслэсь йырзэс кутыны мынйськод!”. 3. Та нюлэскы вуэм инй, тōды гондырен пумиськем. Та ыбем но, йōттымтэ. “Лыктэ, – шуэ нюлэскась, – кыман ик”. “Чу! – шуоз, – тон но пересь, мон но пересь; мон тонэ уг утчасько, ас сюрестэ утча!”. Та пычалзэмарзэ тупатъя но, нош азылань воштйське. Нош пумиськем со тōды гондыреныз. Нош ыбем, гонзэ но чюшкатыса лэзымтэ. Ыбем бераз аяз ваменак понэм пычалзэ но: “Тон нылкышно-ама, – шуоз, – пычал ваментй потыны?”. Та озыы пычал пумысьтыз нбыльдон пол но ыбылыса йōттымтэ. Нбыльдон огетйяз ѓжыт гинэ кылем дареныз тупатэм пычалзэ но, талэн пуля бырем. Тупатыны дукес бордйськыз туй бирдызэ басьтыса понэм пуля интйе. Со туй бирдйеныз тупатым бераз ыбыса, йōттыса вием со тōды гондырез.	пуль на сорок выстрелов [возьми]! Ты ведь уже в сороковой раз идёшь добывать медведя!”. 3. Вот этот <старик> пришёл в лес, и попался ему белый медведь. Этот <старик> выстрелил, не попал. “Идёт, – говорит охотник, – чтоб как раз повалить <меня>!”. “Стой, – говорит, – ты старик, и я старик; я тебя не ищу, иди своей дорогой”. Этот <старик> своё ружьё или что там у него заряжает, и вновь направляется вперёд. Вновь ему попадает тот белый медведь. Опять выстрелил, и даже шерсти не опалил. Выстрелив, положил перед ним своё ружьё поперёк, и говорит: “Ты что, баба, через ружьё перешагивать?”. И так этот <старик> из своего ружья сорок раз стрелял, не попал. На сорок первый раз остатками пороха зарядил ружьё, и тут у этого <старика> пули закончились. Вместо пули зарядил он ружьё латунной пуговицей с зипуна. Этой латунной пуговицей зарядил, выстрелил, и убил того белого медведя.
--	---

35.

Малы удмурт тэле песьтэртэк уг мыны	Отчего удмурты без пестеря в лес не ходят
1. Одйг адями тэлын сяла выалоз вылэм. Одйг пол со адями пычалзэ кутыса сяла выоссэ учкыны мынэм. Тэлын ветлыса но сяла выоссэ утчаса далай кыдёке вуэм но, чыдэтскыны малпаса кыз улэ пуксем. Пукон сезныз сяла сипсёнэныз сипсьыса улны кутскем. Озы улыкыз	1. Один человек добывал рябчиков в лесу силками. Однажды этот человек, прихватив ружьё, отправился осматривать силки. Пока бродил по лесу, разыскивая свои силки, изрядно далеко зашёл и, решив передохнуть, уселся под елью. Пока сидел, начал вабить рябчика манком. Вабил, вабил, и рябчик отозвался – этот чело-

сяла но куткиз сипсыны – та адыми сялалэн пумитаз сипсе. Озы сипсыса сяла лобзыса лыктэм но пуксем. Адыми но лучкем воёкыса сялаез ыбем но уськытэм.

2. Со ыбем куаразэ кылса, силё-сюрно съорысь чульк гинэ но гондыр потэм со доры. Кык пыд йылаз султэм со адыми шоры. Адыми [кёшкемаса] гондырезлы тэльмырыны куткем: “Миша, Миша, мар турткод?!” – шуса. “Тынад сюресэд нимад, мон тонэ уг утчаськы, мар турткод?!” – шуэ. Гондыр неномыре но уг кылзы нй, лыктэ адыми шоры кык пыд йылаз, чиньызэ шальтыр гинэ карса. Адыми доры вуса, солэсь пычалзэ кыскем но кыдёке сэрпалтэм, сөбере нош пуртсэ пуртэсыстыз кыскыса муземе бычкалтэм, басьтыны луонтэм. Табере адымизэ зыбны кутэм. Чирты съөртйз кутса, йыр кузэ ымныр вылаз кесьса, гижиеныз шобыртэм. [Гондыр] озы зыбыкыз адыми ымнырзэ ватса кыминь кариськем. Гондыр инй пал кийыныз песьтэр шораз тач! гинэ мыжганы куткем. Озы мыжгаса ялан, пе, пал кийыныз берыктыны турттэ ымнырзэ но; соку адыми шокамысь дугдыса кулэм улэ кариськем но, гондыр инй мыжгамысь дугдыса но йырзэ мыкыртыса адымилэсь шокамзэ кылзыны кутскем.

3. Сөбере гондыр өжыт воёкем но адыми дорысь; берзэ, пе, учкыса пуке. Озы воёкыкыз, адыми лучкем, пе, өжыт йырзэ берыктыса учкиське: “Мар каре

век начал вабить в сторону рябчика. Пока <он> вабил, рябчик прилетел и уселся. Тут человек незаметно приблизился, выстрелил и сбил рябчика.

2. На звук того выстрела из-за поваленного дерева внезапно к нему вышел медведь. Встал перед тем человеком на задние лапы. Человек, [испугавшись], взмолился к медведю: “Миша, Миша, что ты хочешь <сделать>?! У тебя свой путь, я тебя не ищу, что ты хочешь <сделать>?!”. Медведь ничего не слушает, подходит на задних лапах к человеку, только когтями стучит. Подойдя к человеку, вытащил его ружье и далеко отбросил, потом и нож его, вытащив из ножен, воткнул в землю, чтоб не достать. Потом начал мять человека. Взял в когти, сдирая кожу головы с затылка на лицо. Как [медведь] стал мять <его>, человек, чтобы спрятать лицо, упал ничком. А медведь правой лапой начал громко бить по пестерю. Бьёт так <по пестерю>, и всё старается повернуть правой лапой <человека> лицом.; тогда человек перестал дышать и прикинулся мёртвым; тут медведь прекратил бить <по пестерю> и склонил голову, прислушиваясь к дыханию человека.

3. Потом медведь отошёл немного от человека – уселся и глядит назад. Как медведь отошёл, человек, тихонько приподняв голову, стал осматриваться: где медведь и что делает. А медведь снова отдаляется понемногу, присаживается и глядит назад. Три раза останавливался <медведь> и смотрел, не двигается ли человек, но человек не встал и не шелохнулся. Медведь глянул в последний раз и стал с шумом уходить, только стук его лап слышится.

4. Тут человек понял, что [медведь

но кошкыкыз со гондыр?” – шу- са. Гондыр нош ик, пе, озы воёке ожит но, нош, пе, озы ду- гдыса, берзэ учкыса, пе, пуке. Куинь пол дугдылэм но учкыса адямиезлэсь вырзылэмзэ но, адями султымтэ но вырзылымтэ. Гондыр берлоаз учкем но куткиз ыреэ поттыса кошкыны, пыдызлэн тапыр! гинэ куараез кылйське. 4. Табере адями шөдэм инй [го- ндырлэсь] кошкемзэ но көня ке кыллем но султэм. [Йырыз туж висе], йыркуэз ымныр вылаз усе. Кызы но озы изизэ понэм но котыр учкыны куткем. Пур- тэз, пе, музетын бычкалтэмын, ныд пумыз пичи гинэ адке. Ко- тыр ветлыса пычалзэ но шет- тэм но. Каллен-мырдэнгес бер- тэм инй гуртаз, йырыз виसेмен курадзыса. Гуртаз вуса, семья- осызлы, пе, вера: “Ишпо умой, тыбырам песьтэре утиз тыбыр- ме вöсь луэмлэсь, пе, – шуэ, – песьтэре ке öй лусал, тыбырме но сöсыртысал,” – шуэм. 5. Соин удмурт тэле песьтэртэк ут мыны; со тырысь ялан песь- тэрен ветлэ.	ушёл], немного полежал и поднялся. [Голова сильно болит], <содранная> кожа с головы свешивается на лицо. Кое-как надел шапку и стал огляды- ваться. Нож его в землю воткнул, <так что> только черенок едва видне- ется. Побродив кругом, нашёл и ру- жье. Потихоньку добрёл до дому, страдаая от боли в голове. Добрав- шись до дому, своим домашним ска- зал: “Хорошо ещё, что пестерь на спине уберёт спину от ранения: кабы пестеря не было, повредил бы мне <медведь> и спину”. 5. Потому-то удмурт в лес без песте- ря не пойдёт; с того времени всегда ходит с пестерем.
--	--

37.

Вашкалаослэн нюлэскамзы	Как охотились в старину
1. [Вашкала дыръя] одйг Вак- руш туж мыло-кыдо но сюлмо адями вылэм. Со кык жеч пуны- еныз нюлэскаса огняз ветлы- лэм. Куамын укмыссэ шедтьэм гондырез, табрезэ со мынэ ни- льдонэтйзэ шедьтыны. Кучкем но бöрдыса мынэм. Нюлэскы пырем но солэн пуныёсыз гон- дырез шедьтйллям но утыса	1. [В старину] жил один очень сме- лый человек <по имени> Вакруш. Он в одиночку ходил в лес охотиться с двумя отличными собаками. <Он> добыл уже тридцать девять медведей, теперь идёт добывать сорокового. Собрался и со слезами, <предчувст- вывая недоброе>, отправился. Вошёл в лес, и его собаки нашли медведя и с лаем погнали на него. Вакруш стал на

дораз ваё. Вакруш пыдсаськем но вите ни дораз. Табре лыкто но: азьло лыкто чисто голикесь – одйгез гинэ, бёрысез, гоно. Вакруш со гоно гондырез ыбем но погыртэм. Табре со азьло лыктысь гондырьёс вичак бырыллям. Со голикъёсыз вылэм гондырьёс валля шедьтэмъёсыз, со гоноез вылэм луноез. Со валля шедьтэм куамын укмыс гондырез голик лыктыллям. Со Вакруш нильдонэтй гондырзэ шедьтыса, [сое] гуртаз ваем но юон карем. “Мыным окмоз ни, нильдонзэ гондырез шедьтй, табре нюлэскаса уг ни ветлы,” – шуэм но дугдэм ни ветлэмысь.

2. Кёня ке улэм бере солэн бускель пиез лыктэм но: “Вакруш, тон сёты мыным пуныёстэ, мон мынсал гондыр шедьтыны,” – шуэм. “Сёто ке сёто мон тыныд пуныёсме, ачид гынэ эн пегзы. А пегзид ке, пуныёстэ аналтыса, соёс тонэ астэ быдтозы,” – шуэм Вакруш. “Уг аналты,” – шуэм бускель пиез. Собре [Вакруш] аслэсьтыд пычалзэ но сётэм бускель пиезлы. Пуныёс адзыллям пычалзэ но мыно ни бускель пизы съёры. Со бускель пи нюлэскы пырем но, пуныёсыз гондырез утыны кучкиллям. Со мынэм но пуныёслэсь гондырен жугыськемзэс адже но кышкаса пегзем гуртэ. Вуэм но корка пырыса өвёл вуэм, пуныуем но корка азисен кутэм но йырзэ ичкалтэм но [сое] вием, со бускель пизэс. Пуныёс виемысь, Вакруш [ачиз] мынэм нюлэскы [но адже]: пуныёс гондырез вийыллям. Гондырлэсь

колени и ждёт, <когда медведь выйдет> к нему. И вот вышли – впереди идут совершенно голые, <со снятой шкурой>, и только один, позади всех – покрытый мехом. Вакруш выстрелил и повалил этого покрытого мехом медведя. Тут те медведи, что шли впереди, исчезли без следа. Те медведи, что показались голыми – это были медведи, прежде добытые им, а тот, что был покрыт мехом, был живой. Тот Вакруш, добыв сорокового медведя, привёз [его] в деревню и устроил праздник. “Хватит уж мне, добыл я сорокового медведя, теперь уж не стану ходить на охоту,” – сказал, и перестал ходить <на охоту>.

2. Некоторое время спустя соседский парень пришёл и говорит: “Вакруш, ты бы дал мне своих собак, я пойду охотиться на медведя”. “Дам-то я дам тебе своих собак, только сам не беги. А если сбежишь и бросишь собак <один на один с медведем>, они тебя сами задерут,” – отвечает Вакруш. “Не брошу,” – сказал соседский парень. После этого [Вакруш] дал соседскому парню и своё ружьё. Собаки увидели ружьё, и пошли за соседским парнем. Вот соседский парень зашёл в лес, и собаки стали гнать медведя. Он подошёл и увидел, как собаки дерут медведя, испугался и сбежал в деревню. Добежал, но в избу войти не успел: собаки нагнали, у входа в избу набросились <на него>, и оторвали голову, и задрали того соседского парня. Поскольку собаки <парня> задрали, Вакруш [сам] пошёл в лес [и видит]: собаки задрали медведя. Снимает шкуру с медведя и несёт её обратно в деревню.

3. Раньше если наши отцы-деды на охоте добывали медведя, то хоронили его голову в берлоге. Так упрашивали

кузэ ние но бертыса вае гуртаз. 3. Валлян пересьёс нюлэскаса гондыр ке шедьтыллям, солэсь йырзэ гуаз ватыса кельтозы былэм. Тазы йыбыръяса ватозы: “Пересь мурт, тон вождэ эн вайы, ми тонэ чередйськом, ум аналтыське; пинальёс пöяськыллям”. Гуысьтыз ке шедьтыллям, гуаз ватылыллям йырзэ. Ас сяменаз ветлысьсэ лысэн ватыса кельтозы былэм. Гуртэ бертыкызы, кык виёрскысен ыбылыськыса бертозы былэм. Собре гуртын гондыр куэнызы одйг огзынытй ветлыса, коркась корка кырзаса юозы былэм.

его: “Старче, ты не гневайся, мы тебя хороним, не бросаем; парни ошиблись”. А если брали в берлоге, то голову его в берлоге хоронили. Возвращаясь в деревню, за две версты начинались пальбу. потом в деревне устраивали праздник: со шкурой медведя друг к другу ходили, ходили из избы в избы с песнями.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

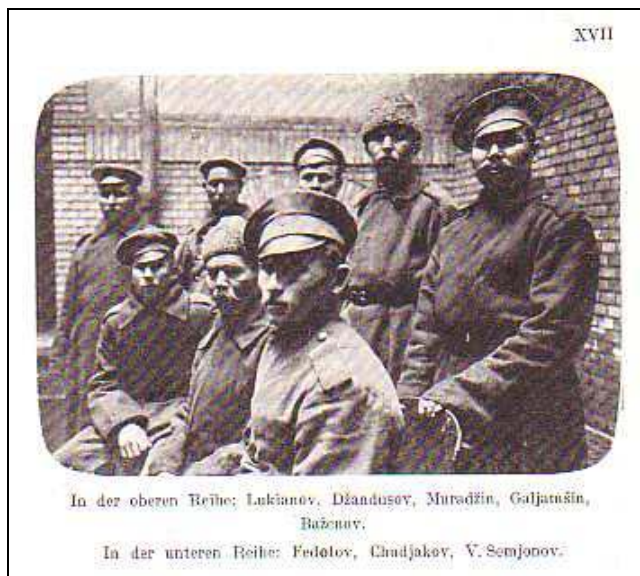

Рис.1

Фото военнопленных удмуртов-информаторов Б.Мункачи [1, с. XVII].

III. Bärenkult und Jagdleben.

34. *va š ka la jo sl ä n g o n d i r k u t ä m z i.*

1. *vađlan¹ nüläs tuž baddžin-no gondir tuž tiros vüläm. džitä-kä kiŋo^{1a} užakizi, gondirän užamzi ug lu-ni² vüläm: džit už-duriš berti-kizi gondir kellas söräzi gurt-dori-ik vuoz vüläm.*

2. *gondirüz »gondir» uz šuo vüläm: »pereš ataŋ» šuozi vüläm. »gondir» šuämäz ug ja-rati; »gondir» šuämiš mardä-kä-no izjantoz⁴ vüläm: pudozäs-o ja ašsäsiz-o⁵, mar-kä karoz vüläm. gondirüz kurdatic-kä, libo ogzä vijid-kä, mukätjosiz gondirjos todozi vüläm; kiñ mar kariz, so murtä gondir otno⁶ šettoz vüläm.*

3. *gondirüz kutizi-kä, jirzä kutäm intijazi-ik vatozi vüläm; guis-*

34. Der Bärenfang der früheren Leute.

1. In früheren Zeiten war der Wald sehr gross, und Bären gab es sehr viel. Wenn man während der Arbeit bis zum Abend blieb (d. h. wenn man sich verspätete), konnte man wegen der Bären nicht arbeiten. Wenn [die Leute] abends von der Arbeit zurückkehrten, begleitete sie der Bär und kam ihnen bis zum Dorfe nach.

2. Den Bären nannten sie nicht »Bär»; sie nannten ihn »Grossvater». Die Benennung »Bär» liebte er (der Bär) nicht. Wenn du ihn »Bären» nanntest, fügte er dir in irgend etwas Schaden zu (eig. beschädigte er etwas von dir): dem Vieh oder ihnen selbst tat er etwas an. Wenn du den Bären erschreckt oder einen von ihnen getötet hast, wussten es die übrigen Bären; denjenigen, der etwas gemacht hatte, fand der Bär jedenfalls (unbedingt).

3. Wenn man den Bären fing (d. h. fand, erlegte), vergrub man seinen Kopf dort, wo man ihn erlegt hatte; wenn man ihn in seiner

Рис.1

Фрагмент текста из книги Б.Мункачи с записью удмуртского текста латиницей [1, с.92]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор надеется, что его работа не пропала даром и предложенные проектные идеи вдохновят всех, кто неравнодушен к родной истории. Возможно, кто-то использует описанные проекты в качестве шаблона для собственной работы, а кто-то лишь увидит в них давно известное. Конечно же, автор и его единомышленники не ставили перед собой целью глубокое и всесторонне изложение принципов социального проектирования; мы всего лишь излагаем собственный (увы, пока что весьма ограниченный) опыт в этой области. Безусловно, нам видны и явные недостатки предлагаемой книжки- прежде всего тезисность стиля изложения. Однако такой стиль был продиктован прежде всего тем обстоятельством, что описанные авторские разработки являются инициативными- автору их никто не заказывал и не оплачивал. Скромное полиграфическое исполнение книжки обусловлено тем же фактором- издание осуществлено на личные средства автора. Тем не менее надеюсь, что у читателя возникли вопросы и пожелания- прошу обращаться ко мне по электронному адресу alexeika@udm.net или по почте:

426076, Ижевск, Пушкинская, 164, кв.26, Коробейников А.В.

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензия О.А.Фиофановой	3
Предисловие автора.....	6
Несколько тезисов об идеологии социального проектирования	7
Трёхмерная реконструкция городища Иднакар в виде анимационного фильма.....	14
Электронная библиотека удмуртской этнографии.....	32
Возвращение медведей (проектная идея).....	49
Заключение	64

Научно-методическое издание

Коробейников Алексей Владимирович

Этнопедагогические проекты в краеведческом образовании

Печатается в авторской редакции.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 2,9. Уч.-изд. л. 2,2.

Отпечатано на ризографе. Тираж 150 экз. Заказ № 159

Научно-издательский центр «Регулярная и хаотическая динамика»
426034, г.Ижевск, ул. Университетская, 1.